Кирилл Сирутис

Том II

Тени, что шепчут имена

Кирилл Сирутис

Тени что шепчут имена. Книга вторая

«Автор»
2026

Сирутис К.

Тени что шепчут имена. Книга вторая / К. Сирутис — «Автор», 2026

Счёт сошёлся. Имя выкуплено. Но в Тенебрисе за победу всегда платят — и цену называют уже после того, как ты согласился.Крестоносец, Эйра и Роран уходят на север, туда, где море вспыхивает раз в шесть и слушает, кто подпевает. В руинах затопленного подземелья их ждут не твари — их ждёт счёт. Тот, который ведут на них. Тот, у которого вместо имён — точки.Есть правило, о котором знают все и которое нарушают все: не смотреть. Не слушать. Не подпевать. Песня сама находит того, кому недостаёт имени.В этой книге умирают те, кто держит стену. Выживают те, кто умеет считать. А мёртвые возвращаются — не тени и не призраки, но голосом, шагом, ритмом: вдох — два, выдох — три.Писарь вписал в книгу последнюю строку. Книга её не закрыла.На двадцать пятой карте одно слово счётным почерком: Юг.

© Сирутис К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дорога, которая слушает 5
Глава 2. Две книги 9
Глава 3. Сон, за который платят 13
Глава 4. Молитва, за которую платят 16
Глава 5. Голоса, за которые платят 19
Глава 6. Цена имени 23
Глава 7. Обещания вместо чисел 25
Глава 8. Пятая вспышка 27
Глава 9. Идущая за счётом 29
Глава 10. Отряд, который остался 30
Глава 11. Бой без молитвы 31
Глава 12. Альголь 34
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Кирилл Сирутис
Тени что шепчут имена. Книга вторая

Глава 1. Дорога, которая слушает

Север начинался не границей. Север начинался тишиной.

За заставой ещё стояли дома, но никто не смотрел на дорогу: все, кто умел считать, посчитали и ушли. Остались те, кто считать не умел, — и те, кого уже было нечем считать.

Крестоносец ехал и слушал, как дорога меняется под копытами. Шаг. Шаг. Шаг. Он считал не потому, что хотел, — потому что счёт был единственным языком, на котором мир ещё разговаривал с ним честно.

Шлем ехал в сумке. Он снял его ещё на заставе — перед человеком, который проверял бумаги и который задал единственный вопрос:

— Вы кем будете?

— Никем.

Человек посмотрел на его лицо. Смотрел долго — так смотрят на пустую страницу, решая, писать ли на ней.

— Проезжайте, — сказал он наконец.

Крестоносец понимал его. Лицо, которого не помнит никто, — это почти никто. Он прожил так десять лет и считал это честной ценой. Только теперь цена изменилась: где-то за спиной, в таверне, на гвозде, висело то, что он носил вместо лица, — и он обещал выкупить это, вернувшись с двумя именами.

Ему и себе.

Порядок он не определил.

* * *

Дорога шла через пустые города. Не сожжённые. Не разграбленные. Пустые.

В одном из них — у колодца, с которого сняли крышку, — он остановил коня и слушал. Колодец дышал. Вода в нём отдавала тухлой рыбой.

На глине у края лежали отпечатки. Длинные. С перепонками между пальцев — так не ходит ничто, у чего есть право называться ногой человека.

Он спешнулся и измерил след ладонью. От локтя до кончиков пальцев — так мерил его тот, кто мерил у колодца на юге. Следы шли на север. К морю.

— Хорошо, — сказал Крестоносец пустому городу. — Значит, мы идём в одну сторону.

Город не ответил. Города в этой стране давно перестали отвечать — они слушают.

* * *

К вечеру он добрёл до рыбачьей деревни на самой кромке воды. Домов было двенадцать. Топилось три.

Его встретила женщина у края дороги — старая, но стоячая, с сетью на плече. Она посмотрела на всадника так, как смотрят на погоду: не страшась, а прикидывая.

— Посты нет, — сказала она. — Считайте, что прошли пост.

— Я не спрашивал.

— Все спрашивают. Вы просто не знаете, что спрашиваете.

Она провела его в дом. Внутри пахло дымом, вяленой рыбой и солью — той самой, что шла обозами с запада и дорожала каждую неделю. У очага дремал кот. Женщина поставила на стол миску, хлеб и кружку.

— Ешьте. Плата потом.

— Чем?

— Услышите. — Она села напротив. — Пока ешьте.

Он ел. Она смотрела, как он ест, — не с любопытством, а со счётом: так пересчитывают сдачу, чтобы не ошибиться в сумме.

— Вы из тех, кто едет к морю, — сказала она наконец. — С года, как солнце умерло, к морю едут трое из четверых. Двое возвращаются. Не потому, что дошли.

— Почему?

— Потому что не дошли до конца. — Она посмотрела в окно, за которым лежала вода. — Слушайте.

Он слушал.

Сначала ничего. Потом — свет. Не вспышка, как от пожара, не отсвет, как от молнии. Вспышка, которая рождалась в глубине и поднималась — медленно, как поднимается то, что давно собралось подняться. Свет стоял над водой секунду — ровно секунду, не больше, — и гас.

Крестоносец не смотрел на неё. Он опустил глаза в миску и считал.

Она погасла. Счёт дошёл до шести.

— Не смотреть, — сказала женщина. — Вы знаете.

— Знаю.

— Тогда вы знаете и то, чего не знают другие. — Она подалась вперёд. — Вспышки идут строем. Раз в шесть. Раз в шесть, рыцарь. Я считаю их с зимы. Я рыбачила пятьдесят лет, и приливы не ходили строем. Строй — это дисциплина. Дисциплина — это кто-то.

Крестоносец отложил ложку.

— Считаете вслух?

— Всегда. — Она усмехнулась уголком рта. — Считать молча — глупо: молча можно сбиться.

— Кто-то сбивался?

Лицо у неё стало старше на несколько минут — так бывает, когда вспоминаешь не событие, а цену.

— Один сбивался. Мой сын. Он стал подпевать.

— Подпевать?

— Есть песня. — Она говорила тихо, как говорят о человеке, которого жалеют. — Старая. Матери пели её детям, а детям — своим. «Спи, глаз, до утра не гляди». Думаете, откуда она?

Крестоносец не ответил. Он знал откуда. Из него самого знала — та его часть, что помнила запах огня и не помнила огня.

— Это не колыбельная, — сказала женщина. — Это договор. Так договаривались с ним, чтобы он не глядел. Мордой в воду, тихо, в ритме прилива. Пока его поют — он спит. Пока его помнят — он спит. Песня — это замок. Дети — это ключи, которые не знают, что они ключи.

— А тот, кто перестал петь?

— Тот пробуждает. — Она встала и подошла к окну. — Или зовёт.

За окном вода дышала. Тьма над ней была плотнее неба.

— Мой сын подпевал, — сказала она ровно. — Один раз. Он думал — себе под нос. — Она повернулась. — Море взяло его на девятой вспышке. Я считала. Я всегда считаю.

Она снова села.

— Теперь вы знаете цену. И теперь, рыцарь, я скажу вам, чем платить за хлеб. — Она смотрела ему в глаза. — Пятьдесят лет я веду книгу. Счёт вспышек, счёт лодок, счёт домов. Мой счёт сходился всегда. Пока не сошёлся — на одного.

— Лишний?

— Недостающий. — Она подняла палец. — Разница есть. Лишний — это тот, кто пришёл. Недостающий — тот, кто был. У меня в книге пятьдесят лет записей, и в ней ровно на

одну запись больше строк, чем было. Точка. Вместо имени — точка. Она стоит с той самой ночи, когда её вписали не помня как.

Крестоносец медленно выпрямился.

Точно такую же точку он видел в ларце писаря в Тенебрисе. Строка без имени. Точка, которая пришла с потоком — или к которой пришёл поток.

Он посмотрел на стол. На столе, между миской и свечой, лежала его карта. Пустое лицо. Он не доставал её со вчера — и не снимал с пояса. Она лежала рубашкой вверх.

Рубашка была тёплой.

— Где вы её взяли? — спросила женщина, кивнув на карту.

— Мне дали. На юге.

— Она не из юга. — Женщина взяла карту, повертела, не глядя на лицо — так обращаются с вещью, которой не доверяют, но которой пользуются. — Эта бумага — северная. Вёрстка старая, вода брала её в проклейку. Такие делали здесь, до Катастрофы, для игры, у которой нет названия.

— У неё есть название.

— У игры есть название, — согласилась она. — А у этой колоды — нет. Её не покупали и не дарили. Она приходила.

Она положила карту обратно, пустым лицом вверх, и отодвинула от себя на ширину ладони.

— Я не буду её трогать. Мне хватает моей книги.

Крестоносец взял карту и спрятал за пазуху. Там она и лежала — тёплая, как чужая ладонь.

* * *

Ночью его разбудил не вой. Воя он не слышал с самой границы — и это было страннее любого воя.

Его разбудила тишина. Слишком полная.

Он вышел на крыльцо. Море лежало чёрным и ровным, как разлитая краска. Женщина стояла рядом — он не услышал, как она подошла.

— Оно не вспыхивает, — сказала она. — Впервые с зимы.

Она достала книгу, открыла, посмотрела на последнюю строку — на точку вместо имени.

— Счёт прервали.

— Кто?

— Тот, кто ведёт свой. — Она закрыла книгу. — Вспышки — это чей-то счёт, рыцарь. Вздохи. Их кто-то считал до меня, с той же дисциплиной, с той же строем. А сегодня счёт кончился — или его перехватили.

Она повернулась к нему.

— Вы поедете дальше?

— Дальше.

— Тогда слушайте меня в последний раз. Когда дойдёте до места, откуда свет — не смотрите. Это все знают. Но этого мало. Не слушайте, как оно вздыхает. И главное, ради всего, во что вы верите:

Она помолчала.

— Не подпевайте.

— Я не собираюсь.

— Никто не собирается. — Она смотрела на него сверху вниз, с крыльца на коня. — Песня сама находит того, кому недостаёт имени. Она — как цена: приходит, когда покупают.

Он тронул коня. На выезде из деревни обернулся — женщина стояла на крыльце, держа книгу у груди, как держат ребёнка.

— Как вас зовут? — крикнул он.

Она ответила не сразу.

— Я вписана, — сказала она. — Этого достаточно.

* * *

Дорога шла на север. Туман лежал по обе стороны и не шевелился.

Крестоносец ехал и чувствовал то, чего не чувствовал никогда: дорога слушала его шаги. Не молчала. Не ждала. Слушала — так, как слушает тот, кто ждёт продолжения.

Впереди, за туманом, лежало море. В нём спало то, чему пели колыбельную. За спиной, на юге, стоял город, где открыли партию со ставкой в имя. А где-то между ними — он сам: человек без имени, едущий к имени, не зная, чьё оно.

Это называлось — дорога.

Она не спрашивала, куда он едет. Она слушала, как он едет, — и запоминала.

У ночи был свой счёт. И в этом счёте до сих пор стояла точка — вместо одного имени, которое она ждала больше года.

Ждать оставалось недолго. Вспышки замолчали. А молчание — это не конец счёта.

Это вдох перед ответом.

Глава 2. Две книги

Вторую милю Крестоносец прошёл без остановок. Дорога слушала шаги — и шаги старались не звучать. Так не бывает, знал он. Но лошадь под ним тоже знала что-то своё: она перестала ржать ещё на заставе.

Он услышал стук копыт за спиной раньше, чем обернулся.

— Не стреляй, — сказали сзади. — Я без пистолета.

Он обернулся. По обочине, держась тенью, шла верхом женщина. Сидела в седле, как на палубе: широкой посадкой, привычной к качке, а не к шагу. Лошадь под ней была худая, с чужим клеймом.

— Выменяла, — сказала она, перехватив взгляд. — За пистолет. Контрабандисты дают за железо больше, чем за слово.

— Это был твой пистолет.

— Это был мой залог, — она спешилась, не торопясь. — Залог отдают, чтобы получить большее. Я получаю большее.

— Я не обещал тебе места рядом.

— Ты не обещал мне ничего. Ты вообще ничего не обещал. — Она привязала лошадь к сухой ольхе и села на камень, как садятся люди, которые решили, что с этой минуты разговаривать будет она. — Поэтому я обещаю сама. Себе.

Он ждал.

— Ты ехал один, — сказала она. — Один на севере — это не путник. Это груз. Грузом тебя найдут через три вспышки. С грузом мне возвращаться нельзя: корабль я уже отдала, а капитан без корабля — просто человек на дороге. — Она усмехнулась. — Дорога полна таких. Я не хочу быть одной из них.

— Корабль отдают тому, кто остаётся.

— Вот именно. — Она подняла палец. — Я не осталась. Значит, мне нужно вернуться и остаться так, чтобы счёт сошёлся. Я умею считать, рыцарь. На палубе иначе нельзя.

Он снова ждал. С ней это оказалось несложно: она заполняла молчание сама.

— И есть долг, — сказала она тише. — Настоящий. Не серебром. — Она посмотрела на его сумку, где лежал шлем. — Имя, которое я отдала под этим железом, надо выкупить. Имя в долгу не живёт. Оно тускнеет, как непрописанная страница.

— Кто тебе сказал, что его можно выкупить?

— Никто. — Она встала и отряхнула плащ. — Но я один раз уже отдала имя в долг. Первый раз за всю жизнь. Хочу посмотреть, вернётся ли.

Она села в седло. Лошадь переступила — и дрогнула. Не от холода. Дрогнула так, как дрожат звери, слышащие то, чего не слышат люди.

Эйра заметила. Она умела замечать всё, что живёт на границе между волей и страхом.

— Конь врёт, — сказала она спокойно. — Значит, дорога уже слушает нас вдвоём. — Она посмотрела на Крестоносца. — Плата пошла?

Он не ответил. Он понял то же самое раньше неё — но молчание в его случае было не запозданием, а привычкой.

— Ладно, — сказала она. — Платить будем вдвоём. Так дешевле.

Это была первая неправда, которую она сказала в этом разговоре. Плата не делится. Платят по одному.

* * *

Тенебрис жил ночью так, как другие города жили днём.

В архиве у Ливии горело три свечи. Она сидела за столом, и перед ней лежали две книги. Раньше они сходились страница в страницу. Она проверяла их каждый вечер — как проверяют счёт перед утренней отдачей. Счёт всегда сходился.

Сегодня не сходился.

В левой книге, на тридцать первой строке, стояла запись. В правой — её не было. Она перечитала трижды. Запись была короткой, ровно столько, сколько нужно для счёта:

Точка. Вместо имени — точка.

Она взяла свечу и поднесла к строке. Воск не капал. Воск — не врал.

— Кто вписал?

Голос раздался от двери. Она не обернулась — узнала походку раньше голоса: шаги, которые не стучат, а считают.

Азарт стоял в проёме. Вошёл так, как входят не гости, а те, кто считает помещение своим.

— Я, — сказал он. — Если угодно.

— В мою книгу нельзя войти.

— В вашу книгу я не входил. — Он подошёл к столу. — Я вписал в её. Разница есть, Ливия. Вы же счёт ведёте — вы должны знать.

Она наконец подняла голову. Азарт был без колоды. Это было хуже всего: колода — инструмент, а он пришёл без инструмента, значит, говорить собирался о том, что инструмента не требует.

— Вы ведёте счёт городу, — сказал он. — Две книги. Одна — город. Вторая — ваши долги тем, кому вы давали слово. Я не ошибаюсь в книгах.

— Вы не имеете права знать о второй.

— Я не знаю. Я слышу. — Он сел напротив. — Слух — это тоже право, если им пользоваться тихо.

Ливия закрыла обе книги руками. Так закрывают от сквозняка не книги — лица.

— Что вы хотите?

— Партию.

— В ваших играх я не играю.

— В моих играх играют все. Просто не все замечают, что уже играют. — Он положил на стол ладонь. — Ставку предлагаю честную. Ваша вторая книга против одной моей строки.

— Какой строки?

— Той, что вписана. — Он усмехнулся. — Вы хотите знать, кто вписал точку. Я хочу знать, чем вы платите за то, что знаете.

Она молчала. В ней считалось: отказ — значит признать, что боится. А она не боялась ничего с четырнадцати лет. Считала, что не боится.

— Правила, — сказала она наконец.

— Партия двух книг, — сказал Азарт. — Простая. Вы делаете ход, я делаю ход. Ход — это вопрос. Вопрос — это цена. Кто отвечает — платит строкой из своей книги. Кто молчит — платит двумя.

— Это не правила. Это уловка.

— Все правила — уловки, которые признали обе стороны.

Он развернул на столе чистый лист. Ровно посередине поставил точку.

— Начинаете вы. Вы всегда начинаете. Это ваш город.

Она задала первый вопрос. Он ответил — ровно, без запинки, и где-то между словами заставил её услышать то, чего она не хотела слышать: что счёт в её второй книге сходится не на её сумму. Она задала второй. Он ответил. На третий вопрос он ответил так, что Ливия поняла: он знал о второй книге с зимы.

Она выиграла партию.

Она считала ходы. Она держала линию. Она задала последний вопрос так, что Азарту пришлось ответить правду — впервые за вечер.

— Выигрываете, — сказал он спокойно и встал. — Как и всегда, Ливия. Вы не проигрываете в счёт никогда.

Он подошёл к столу и взял вторую книгу. Ту, что лежала справа.

— Это мой приз? — спросила она, и голос у неё дрогнул — впервые с четырнадцати лет.

— Это мой выигрыш, — сказал Азарт. — Выигрыш — это тоже плата. Просто платят вперёд.

— В партии было оговорено иное.

— В партии были мои правила. Вы играли по ним — значит, оговорено всё, что в них есть. — Он раскрыл книгу на середине. Перелистнул. Его палец остановился на строке. — Здесь счёты живых. Ваши обещания. Вы вели счёт не города — вы вели счёт людей.

— Отдайте.

— Я веду счёт теперь. — Он закрыл книгу. — Так честнее. Вы вели их за обещание. Я поведу за ставку. Смотрите.

Он открыл книгу на той строке, которую нашёл пальцем, и прочёл вслух — медленно, как читают приговор:

— «Мираэлла. Двойной стук. Считать до второго».

Ливия замерла.

— Это мой счёт.

— Был ваш. — Азарт закрыл книгу и спрятал её под плащ. — Теперь мой. Когда счёт сойдётся — вы узнаете первой. Я не скуплюсь на вежливость.

Он вышел. Свечи остались гореть. Ливия сидела и смотрела на лист с точкой посередине.

Впервые с детства она не знала, сколько строк в её книге. Книга, которая ошиблась на одну строку, больше не книга. Она — память с дырой.

А счёт, который ведёт не тот, кто начал его, — не счёт. Это приговор с отсрочкой. Он просто ещё не назначил дату.

* * *

Гробовщик дождался.

Карту с незнакомой мастью принесли ему в сумерках — мальчишка с чёрного рынка, за тройную плату и за молчание. Гробовщик развернул её при свече.

Масть была та, которой нет ни в одной колоде. Не червы, не пики. Что-то между кругом и глазом.

Он не обрадовался. Он положил карту на стол лицом вверх и долго смотрел, как смотрят на вещь, которая пришла раньше срока.

Он вспомнил. До Катастрофы за такие карты платили не серебром. За такие карты платили тем, что у человека было одно и не вернётся. Это были не игры. Это были сборы.

Он погасил свечу. Не потому что берёг воск. Потому что в свете карту видеть было нельзя.

* * *

Мираэлла досчитала.

Двадцать восемь. Двадцать девять. Тридцать.

Двойной стук раздался ровно на тридцатом.

Она поднялась. Подошла к двери. Открыла.

За дверью был коридор. Пустой. Свечи в нишах горели ровно, как горят свечи, которые никто не трогал.

Она вышла в коридор. Постояла. Посмотрела в обе стороны.

На полу у порога, там, где не должен был быть никто, лежало то, чего не могло быть: тонкая белая костяная кость для счёта. Такими считали до Катастрофы. Такой не считал никто в Тенебрисе — она знала всех, кто держит счёт.

Она подняла её. Кость была тёплая.

Кто-то считал её. Считал долго. И досчитал до второго.

Она не знала ещё, что это значит. Через двадцать пять глав она узнает.

Но стук уже прозвучал. Не в ту дверь. В ту, за которой её ждали с самого начала счёта.

* * *

На севере ехали двое.

Эйра вела лошадь в поводу — свою лошадь уже не слушалась, она рвалась назад с каждой милей. Крестоносец ехал молча.

У неё в кошельке, где раньше лежал пистолет, теперь лежала карта. Пустое лицо. Тёплая, как чужая ладонь.

— Дай посмотреть, — сказала она.

Он не дал.

— Скупой.

— Осторожный.

— Это одно и то же у тех, кто едет на север.

Вспышки всё ещё молчали. Дорога слушала шаги — теперь их было вдвое больше, и слушала она, казалось, вдвое внимательнее.

Молчание — это вдох. Вдох — перед ответом.

Но чей это будет вдох, дорога ещё не решила.

Глава 3. Сон, за который платят

Первой оплатой дороги стал сон.

Они поняли это в первую же ночь — в брошенной сторожке у старого тракта. Стены ещё держались, крыша держала хуже, зато очаг был целым. Крестоносец развёл огонь — маленький, из сухих ветвей, каким горят не для тепла, а для присутствия.

Эйра смотрела на огонь и не смотрела на огонь. Она смотрела на себя — со стороны, как смотрит человек, который всю жизнь плавал и привык проверять, всё ли на нём своё.

— Спать будешь? — спросил Крестоносец.

— По морским правилам, — сказала она и уселась спиной к стене, лицом к двери. — Вахтами. Полчаса сплю, полчаса слушаю. Кто в море спит вполглубка — тот доплывает. Кто спит вполную — того море оставляет себе на память.

— Дорога не море.

— Дорога — это море, которое научилось ходить по берегу. — Она закрыла глаза. — И в море, и на дороге спят одинаково: с ухом наружу.

Он не стал спорить. Он просто лег и попытался уснуть.

И вот тогда он услышал дорогу.

Не шум. Не шаги. Слушание. Оно шло со всех сторон — от земли, от стен, от тумана за дверью — и не нарушало ни звука. Так слушает не враг. Так слушает тот, кто ждёт продолжения истории.

Он открыл глаза. Слушание не спряталось. Оно было здесь, как погода.

— Чувствуешь? — тихо спросила Эйра, не открывая глаз.

— Да.

— Значит, ты уже начал платить, — сказала она. — Все, кто едет этой дорогой, платят сон. Просто у каждого свой курс.

* * *

К третьей ночи он спал по четверти часа — как она.

Ученичество его началось без договора. Она не говорила: я научу. Она просто делала — а он смотрел и запоминал, как запоминал счёт.

Урок первый она дала у костра, на пятые сутки дороги.

Они сидели вдвоём, и он вдруг понял, что тянется носом к огню. Не глазами — носом. Запах огня. Единственная память о прошлом, которая была при нём всегда: он не помнил огня, не помнил пожара, не помнил, кем был, — но помнил запах. Он держался за него так, как держатся за перила в темноте.

Сегодня перила были тоньше.

Он принюхался ещё раз. Осторожно, как принюхиваются к могиле. Запах был. Но бледнее, чем вчера. Словно его стирали не временем — рукой. Аккуратно, не спеша, по чуть-чуть за ночь.

Он не сказал об этом. Но Эйра видела, как он молчит, — а молчание у неё было языком, на котором она бегло читала.

— Ты что-то потерял, — сказала она. Не спросила — сказала.

— Запах.

— Огня? — Он медленно повернул голову к ней. Она пожала плечами. — Ты ночью носом в костёр тыкался, как пёс. И вчера тыкался. А сегодня — нет. По трусости не скажу — у тебя её на два отряда. По лицу видно.

Он молчал.

— Скажи вслух, что было хорошо, — вдруг сказала она.

— Что?

— То, что было. Этот запах. Ты держался за него — значит, он тебе дорого стоил. Значит, было хорошо. Скажи вслух: это было хорошо.

Он не понял, зачем. Но сказал:

— Это было хорошо.

— Теперь вот что. — Она подбросила ветку в огонь и смотрела, как гаснут угли. — Сожаление — это долг, который платят за вещь, которой уже нет. Ты заплачишь — а вещь не вернётся. Кто отдаёт за мёртвое — у того не остаётся на живое. Поэтому морское правило: потерял — назови вслух, что было хорошо, и скажи спасибо. И дальше — к новому. Память держи, долг не держи.

— Это не примет вера моя.

— Вера у тебя уже не принимает ничего — она сейчас вся в дороге, — Эйра усмехнулась. — Я не говорю забыть. Я говорю: не платить дважды. Дорога и так взяла плату. Сожалея — ты платишь ещё раз. За то же самое. Никто не берёт в наём работника, который платит дважды, — даже дорога.

Крестоносец смотрел на угли. Угли остывали, и вместе с ними остывало что-то в нём самом.

— Ты говоришь, как живут, — сказал он наконец. — Не как верят.

— А ты раньше тоже жил, — сказала она. — Пока не начал считать.

Он хотел ответить — и не нашёл, чем. Это было плохо. Он всегда находил ответ. Счёт всегда помогал: счёт не требовал веры, счёт был честным. А теперь у него в руках не было ни счёта, ни ответа — и было только её правило, простое, как ржавый нож: не платить дважды.

* * *

Дорога забирала молча и в срок.

Эйра потеряла лошадь на седьмой день. Не погибла — ушла. На привале конь перестал есть, потом перестал дрожать, потом перестал бояться — и ушёл в туман ровным шагом, как провожатый, сдавший смену. Она не побежала за ним.

— Конь был хороший, — сказала она и посмотрела ему вслед. — Был добрый. Спасибо ему.

И пошла дальше пешком. Он смотрел на её спину и понимал, что она не притворяется. Она правда не считала это потерей. Для неё это была плата — а плату не оплакивают, плату выдают и идут дальше.

В тот же день дорога взяла с него успение: он не смог вспомнить цвет утреннего неба. Не потому, что не видел. Он знал, что видел, — но вспомнить цвет было всё равно что вспомнить чужой сон.

— Утро было синее? — спросила она вечером, из любопытства.

— Не помню.

— А солнце какого цвета было?

Он молчал долго.

— Не помню цвета. Помню только, что на него нельзя было смотреть. И что все смотрели.

— Хорошо смотрели? — спросила Эйра.

— Что?

— Смотреть на солнце — это тоже хорошо было?

Он медленно кивнул. Сначала — на вопрос. Потом — на правило.

— Это было хорошо.

— Вот и всё, — сказала она и дала ему свой последний сухарь. — Ты снова платишь за это. Второй раз не платят.

* * *

На двенадцатый день дорога прошла через село, в котором не было ни человека, ни зверя, ни ветра. Дома стояли прямо. Двери были на месте — их не вынесли, как выносили на юге. Двери были заперты — изнутри.

Эйра остановилась у первого же дома и постучала. Медленно. Три раза.

Изнутри никто не ответил. Но по всем домам села — она услышала это ухом, морским, отточенным ухом — разом сработали замки. Щёлк. Щёлк. Щёлк. Словно дома вздохнули одновременно.

— Здесь не умерли, — сказала она тихо. — Здесь прячутся. Уже год.

— От кого прячутся?

— Не от кого. От чего. — Она смотрела на запертые двери, и впервые за дорогу улыбка сошла с её лица. — Пойдём. Только не стучи больше. Мы у них спросили — они не ответили. Значит, платить за ответ дорого.

Они шли мимо запертых домов, и за каждым окном кто-то слышал их шаги и не подходил к стеклу.

Вспышки всё ещё молчали. Уже двенадцать дней. Море не считало. Или его счёт перехватили — а перехвативший не вел новый.

* * *

В четырнадцатую ночь, в кильватере брошенной мельницы, Крестоносец впервые за дорогу вынул карту.

Пустое лицо. Рубашка была тёплой — как всегда. Но сегодня тепло было не то. Раньше карта грелась, как чужая ладонь. Сегодня она грелась, как ладонь, которая узнала его руку.

— Она слушает тебя, — сказала Эйра, не открывая глаз, спиной к нему, лицом к двери. — Я слышала, как ты её вынул. Она вздохнула.

— Карты не вздыхают.

— Море не считало — считало. Дома не отвечали — отвечали. Дорога не слушает — слушает. — Она повернулась к нему, и в отсвете углей её лицо было спокойным, как палуба в штиль. — Всё вокруг тебя вздыхает, рыцарь. Ты один на дороге, кто делает это молча.

Он спрятал карту за пазуху. Она легла обратно на постель из мешков.

— Ты опять не спишь, — сказал он.

— Вахта, — ответила она. — Спи. Полчаса. Я слушаю.

Он закрыл глаза.

И на границе сна — там, где дорога берёт своё, — он услышал не слушание. Он услышал шёпот. Один раз. Едва. Так шепчет тот, кто наконец решился произнести — но пока только по слогам, про себя, проверяя, как звучит.

Шёпот был не из тумана. Он был из-под воды.

И он звучал, как первые буквы имени.

Глава 4. Молитва, за которую платят

Второй платой стала молитва.

Он понял это на пятнадцатый день, у вечернего костра, — так, как понимал все потери дороги: не в момент потери, а задним числом. Руки сложились сами — они складывались сами десять лет. Голова склонилась. Он потянулся к словам —

и не нашёл их.

Он знал, что слова существуют. Он был бы не Крестоносец, если бы не попробовал ещё раз. Попробовал. Потом третий раз. Слова были не запертыми и не дальними — отсутствующими. Так бывает с домом, в котором не живёшь: помнишь, что он был, — и не помнишь, где.

Он разжал руки. Костёр горел. Эйра спала вполглубка, ухом наружу. Над туманом стояла ночь и слушала.

Он коснулся креста на груди. Металл был холодный — так холодна вещь, у которой отняли должность.

* * *

Утром она принесла воды, посмотрела на него и сказала:

— Ты снова что-то потерял.

— Слова.

— Какие слова?

— Те, что я говорил вверх.

Она не поняла сразу. Потом поняла — и впервые за дорогу у неё не нашлось ответа сразу. Урок всё же нашёлся; он у неё всегда находился, просто в этот раз она подбирала его дольше.

— Назови вслух, что было хорошо.

— Это не вещь, — сказал он. — Это был долг. Я платил каждый день. С детства.

— Хорошо. — Она кивнула так, как принимают плату. — Тогда скажи спасибо, что мог платить. Долг, который платят, — спокойный долг. Многим не дают даже этого: живут с долгом, который нечем заплатить. Твой заплачен. Считай, что расплатился.

— Я не расплатился. Меня ограбили.

— Разница есть. — Она поставила кружку на камень. — Ограбленный помнит, что у него отняли. Плативший помнит только, что заплатил. Первое — сожаление. Второе — счёт. Я не скажу тебе, что лучше. Я скажу, что дороже.

Он смотрел в огонь.

— Дорога не берёт лишнее, — сказала она тихо. — Лишнее я отдала бы сама. Дорога берёт то, чем дышишь. — Она посмотрела на его руки, которые ещё помнили, как складываются. — Значит, ты этим дышал.

Она приняла его потерю как плату — так, как принимала все его потери. И не знала только одного: у его породы молитва — не плата. Позвоночник.

* * *

К вечеру он попробовал снова. И снова не нашёл слов.

Вместо слов пришли числа.

Он считал, как считал на дозорах: шаг. Вдох. Шаг. Счёт шёл ровно и не рвался. Счёт дорога не брала — потому что не могла, или потому что он был слишком дешев для её прейскуранта.

— Что ты делаешь? — спросила Эйра, не открывая глаз.

— Молюсь.

— Это счёт.

— Это одно и то же, если не сбиваться.

Она открыла глаза и долго смотрела на него. Потом — на темноту за костром. Там, за туманом, лежала вода, в которой молились вспышками.

— Хорошая молитва, — сказала она. — Море молится так же.

И замолчала раньше, чем следовало: слово «море» вышло само, по привычке, — а она уже знала, что в этом слове теперь живёт счёт. И счёт этот вела не она.

* * *

На семнадцатую ночь он попробовал сказать вслух.

Одно слово. Не имя — просто слово, обращённое вверх. Он набрал воздуха — и туман вокруг костра подался вперёд. Слушание на мгновение стало слухом.

— Не произноси имён, — Эйра открыла глаза разом. — Даже Его. Особенно Его.

— Это не имя. Это слово.

— Здесь всё, что сказано вслух, — письмо. А дорога — почтальон, который читает. — Она села. — Ты хотел писать вверх. Дорога доставляет вниз. Вопрос не в том, дойдёт ли. Вопрос — по какому адресу.

Он понял её — и понял больше, чем она сказала. Человек без имени, говорящий на этой дороге вслух, — письмо без отправителя. А письмо без отправителя не возвращают. Его читают — и оставляют себе.

— Тогда почему дорога забрала слова? — спросил он. — Я же молчал.

— Потому что не все молчат так же тихо, как ты. — Она помешала угли. — Дорога не грабит, рыцарь. Дорога берёт плату. И иногда даёт сдачу. Твои слова были платой за то, чтобы молчащее море осталось молчащим. Сдача придёт отдельно.

Он не спросил, какой будет сдача. Он уже знал, что на этой дороге сдача приходит не деньгами.

* * *

В ту же ночь, на её вахте, из тумана позвали её.

Голос был вежливый. Так окликают путники на тракте: негромко, из темноты, без угрозы.

— Как тебя зовут?

Она не ответила. Морское правило: платить за ответ дорого.

Голос подождал и спросил второй раз — так же ровно.

Она пересела ближе к костру. У неё не было рукояти, за которую берутся те, у кого есть чем ответить, — пистолет давно ушел за лошадь, лошадь ушла в туман. Она положила ладонь на колено.

Третий раз голос спросил — и между «как» и «зовут» легло что-то новое. Ласка. Так не спрашивают у путников на тракте. Так зовут из-под воды тех, кто уже почти согласился.

Голос стих. Она досидела вахту до конца, не шелохнувшись, а под утро сказала — будучи уверена, что он спит:

— Дорога просила моё имя. Дешевле, чем я думала. — И после паузы, ровно: — Значит, скоро подорожает.

Он не спал. Он слышал. Он не ответил — потому что не нашёл, чем. Это было плохо. Он всегда находил, чем.

* * *

Он спал по четверти часа — как она учила. И на границе сна шёпот вернулся.

Он был не по слогам. Он был целым. Один раз — так говорит тот, кто давно репетировал и наконец решился.

И Крестоносец услышал имя.

Не своё. Своего он не помнил — незнакомое имя могло бы быть чьим угодно. Но шёпот произнёс имя так, как его произносят в конце молитвы: с долгим выдохом. С точкой.

И крест на его груди потеплел.

Крест, который больше не принимал его слов, принял шёпот. Впервые за десять лет через металл прошло что-то — не сверху, откуда он всю жизнь посылал, а снизу. Из-под воды.

Он открыл глаза. Туман лежал ровно. Эйра дремала у костра, лицом к двери. Карта за пазухой была тёплой, как всегда, — как ладонь, которая узнала его руку.

Слова у него отняли. Но дорога умела давать сдачу: в той ночи впервые за много лет кто-то помолился ему.

Тихо. По слогам. Из-под воды.

И крест был тёплым, как ответ.

Глава 5. Голоса, за которые платят

Третьей платой стали голоса.

Это случилось на девятнадцатую ночь — в заброшенной почтовой станции, где ещё стояла крыша и висела на гвозде чужая сумка. Крестоносец заснул по-её, по-морски, на четверть часа, ухом наружу. И впервые за дорогу его разбудил не шёпот из-под воды.

Его разбудили они.

Голоса. Мёртвых. Не какие-то — конкретные. Он не знал имён, но знал тембры: так не говорят чужие. Так говорят те, кто когда-то стоял рядом. Кто-то звал его по имени, которого он не помнил. Кто-то просил не уходить. Кто-то — и это было страшнее всего — просто дышал рядом с его ухом, ровно и терпеливо, как дышат те, кто умеет ждать.

Он открыл глаза. Станция молчала. Эйра дремала у догоравшего огня, лицом к двери.

Но голоса не кончились. Они ушли на глубину — туда, где дорога брала его сон, — и продолжили говорить оттуда. Теперь они говорили всю ночь. Каждую.

* * *

— Мёртвые? — Эйра на утро смотрела на него внимательно, так, как смотрят на трюм, в котором подозревают течь. — Много?

— Не знаю.

— Громко?

— Постоянно.

Она помолчала. Потом сказала — ровно, как про погоду:

— Это не дорога. Это ты.

— Что?

— Дорога слушает. Море молчит. Дома прячутся. Ничего из этого не говорит по ночам в ухо. — Она подбросила ветку в огонь. — Это не плата, рыцарь. Это сдача. Помнишь, я говорила: дорога берёт плату и даёт сдачу? Вот она. Твои молитвы зашли по адресу. Только адрес был не тот, куда ты писал десять лет. Теперь тебе отвечают.

— Мёртвые не отвечают.

— Мёртвые отвечают первыми, — сказала она. — Потому что им нечем заняться, кроме как ждать.

* * *

Каждую ночь — голоса. Он научился не открывать глаз: от этого они становились ближе. Он научился считать их, как считал вспышки. Счёт помогал: у счёта нет ушей.

Эйра заметила раньше, чем он сказал.

— Сколько их сегодня?

— Семь.

— А вчера?

— Шесть.

— Значит, прибывает, — она кивнула. — Хорошо, что прибывает по одному. Если придут все сразу — я не знаю, что делать. Пока они по одному — я знаю.

— Что ты знаешь?

— Что им не нужно, чтобы ты отвечал. — Она села рядом, близко — так близко, как не садилась раньше. — Им нужно, чтобы ты слушал. Слушание — это их хлеб. Дай им вахту. Морское правило: у каждой муки есть вахта. Ты не гонишь волну — ты её пересиживаешь.

— Как?

— Считай их. Ты умеешь. Сколько голосов — столько строк в счёте. Одна строка — один мёртвый. Когда закончишь строку — голос уходит спать. Они не злые, рыцарь. Они должники. Должники не шумят — они напоминают.

И с той ночи он вёл счёт мёртвых. Семь. Потом восемь. Потом — девять.

Он не знал, что прибывает не от его грехов. Он не знал, что эти голоса шли к нему из-под воды, — из того места, откуда шёл шёпот с именем. Море собирало их для чего-то. Но этого он узнает не в этом томе.

* * *

Голосами дело не кончилось.

Это случилось на двадцать вторую ночь, в брошенной таверне на развилке. Голоса в ту ночь были особенно близкие — тот тембр, который звал по имени. Он заснул. Проснулся — не сразу весь.

Сначала проснулись руки.

Он не помнил, как встал. Помнил, что стоял посреди таверны, и лавка под его кулаками была уже не лавкой. Помнил, что столетние доски летели в стену и стена принимала их, как принимают счёт. Помнил своё дыхание — редкое, глубокое, чужое. Он не был в ярости. Ярость — это когда горишь. Он был в другом: во всём теле горел только один огонь — тот, запах которого он потерял. И этот огонь требовал выхода, потому что десять лет его гасили молитвой, а молитвы больше не было.

Он громил комнату, как громят долг. Методично. Стол. Скамья. Полка. Перегородка.

Он услышал её голос — и остановился.

Не потому, что испугался. Потому что её голос был единственным звуком в мире, который не был голосом мёртвого.

— Рыцарь.

Она стояла в дверях — босая, в одной рубахе, волосы распущены. Она не отступила. Она вошла — прямо в комнату, где одна половица ещё качалась от его кулака, — и села на разбитый стол, как на борт шлюпки.

— Смотри на меня.

Он смотрел. Дыхание ещё было чужое. Руки ещё сжимали то, чего не было.

— Не с красным смотри. С моим.

Он смотрел. Голоса за спиной стихали — не все, но глохли, как глохнет прибой, когда выходишь на берег.

— Дыхание моё. Два счёта вдох. Три — выдох. Считай за мной.

Она дышала громко, нарочно, как дышат в такт вёслам. Он считал. На третьем счёте руки разжались. На пятом он сел — на пол, среди чужого добра, которое погромадил за минуту, и не мог вспомнить, зачем.

Она слезла со стола и села рядом. Не напротив — рядом. Плечом к плечу.

— Это было громко, — сказала она.

— Да.

— Что это было?

— Не знаю. Это было со мной и раньше. Раз в много ночей. Руки просыпаются раньше меня, и огонь... выходит.

— И раньше тебя так лечили?

— Молитвой. Это называлось — превозмогание. Святое. Тело побеждает слабость.

— Тело не побеждает слабость, рыцарь. Тело носит слабость. — Она смотрела перед собой. — У моей команды был один такой. Гарпунщик. Дважды в год он ломал кубрик. Мы не молились над ним. Мы делали вот это: садились рядом и дышали. Громко. Чтобы у него было чем дышать, пока своё не вернётся.

Он молчал.

— Теперь так будет всегда, — сказала она. — Раз в много ночей. Я буду вставать. Не думай, что это долго. Море не считает, сколько раз поднимается прилив. Прилив не стыдится.

— Это не стыдно?

— Это счёт. — Она встала, отряхнула рубаху. — Ты платил за это десять лет молитвой. Теперь платишь моим дыханием. Дешевле. И надёжнее: я не умру от голода, если ты запоздаешь с исповедью.

Она вернулась к постели. У края остановилась — спиной к нему.

— Спи. Я на вахте. Теперь я на вахте и в такие ночи тоже.

Это была первая ночь, когда вахта у них стала общей. Он не знал, что таких ночей будет много. Она знала. Она никогда не говорила таких вещей вслух — она просто вставала. Каждый раз. Без счёта.

* * *

На двадцать четвёртый день она вырезала ему из полена солнце.

Он заметил не сразу: она стругала ночами, на вахте, когда он спал. Нож у неё был хороший — корабельный, с рукоятью, потемневшей от ладони. Полено она выбрала ещё у таверны на развилке — из того, что он громил: лучшую половицу, уцелевшую от его кулаков.

— Держи.

Солнце было кривое, с лучами, которые не сходились в центре. Так вырезают не мастера. Так вырезают те, кто помнит форму, но не помнит, как её держать.

— Что это?

— Утро, — сказала она. — Деревянное. Лика, сестра твоего стрелка, режет такие на юге. Я слышала от тебя — ты говорил про неё, когда спал. Один раз. — Она вложила солнце ему в ладонь. — Дорога взяла у тебя цвета. Неба, солнца, огня. Всё, что было в голове. Но дорога не берёт того, что в руках. В руках — вещь. Вещь нельзя отнять платой: плату берут, вещь держат.

— Лика режет их, чтобы солнце вернулось.

— А ты будешь держать своё, чтобы помнил, что у тебя было то, за что платить. — Она усмехнулась. — Не скажи никому, что я сентиментальна. Убью.

Он сжал солнце. Дерево было тёплое — не так, как карта. Карта грела, как чужая ладонь. Дерево грело, как вещь, которая собирается остаться.

* * *

В ту же ночь голоса изменились.

Он досчитал до одиннадцати — и одиннадцатый голос сказал не «не уходи». Он сказал другое. Он назвал его по имени.

По имени, которого Крестоносец не помнил.

И имя это было не из-под воды. Оно было человеческое — короткое, простое, такое, каким зовут детей через двор.

Крестоносец сел. Сердце било в рёбра, как в борт.

Эйра проснулась мгновенно — морское ухо ловит дурной сон раньше хозяина.

— Что?

— Один из них назвал меня. — Он говорил и слышал, как дрожит счёт. — Не по слогам. Целиком. По-человечески.

Она молчала долго. Потом сказала то, что он запомнит до конца тома — хотя не поймёт до конца цикла:

— Значит, мёртвые помнят то, что дорога стёрла. — Она подбросила ветку в огонь. — Спрашивай их, рыцарь. Спрашивай, пока платят ответом. Такие скидки дорога даёт раз в жизнь.

Он не спросил. Он знал правило этой дороги: платить за ответ дорого.

А Эйра смотрела на него и думала о другом: о том, что он впервые за месяц назвал чужое имя вслух — и что её имя дорога всё ещё не забрала. Она слышала его в его собственных снах: он говорил его, когда спал, тихо, как говорят то, что берегу́т. Дорога не забирала её имя, потому что оно теперь жило не в ней.

Оно жило в нём.

И дорога не брала чужого залога.

Глава 6. Цена имени

Двадцать пятый день дороги начался с торга.

Голос из тумана вернулся на заре — и вежливости в нём уже не было.

— Имя, — сказал он.

Эйра не ответила. Морское правило оставалось морским правилом: платить за ответ дорого.

— Цена выросла, — сказал голос. — Сон. Слова. Медь. Всё, что есть у вас двоих, кроме имени, не стоит имени. Торг невозможен.

— Тогда и не о чем торговаться, — сказала она ровно.

Голос помолчал. Потом спросил — уже не её:

— А ты?

Крестоносец открыл глаза.

— Возьми мой счёт, — сказал он.

— Счёт — не валюта этого берега, — сказал голос.

— Тогда возьми слово.

Туман стоял неподвижно так долго, что они успели бы спешиться, передумать и снова сесть в сёдла. Потом голос сказал:

— Слово — это имя, которого ещё не сказано. Годится. Но у слова есть срок.

— Какой срок?

— Срок придёт, — сказал голос. — Долг слушает.

Туман съёжился — и остался.

Карта за пазухой потеплела сразу — не как ладонь, как строка, в которую вписали письмо. Он не проверял. Он знал: на рубашке теперь стояла точка. Её имя — не имя, а строка с точкой — лежало в его карте, как залог у менялы.

Эйра молчала до полудня. Потом заговорила — так спокойно, что спокойствие выходило страшнее крика:

— Никто не платит за другого. Так не бывает.

— Теперь бывает.

— Тогда плохо. — Она шла, глядя под ноги. — Тот, кто платит за другого, стоит дороже. Дорога повышает цену груза. Ты только что стал грузом. Я тебя не просила.

— Ты не просила.

— Я вела твой счёт, рыцарь. Вахта за вахтой. Ночь за ночью. — Голос у неё дрогнул — на одном слоге, но дрогнул. — А ты взял и влез в него целиком. Кто теперь его пересчитает?

Он не нашёл, чем ответить. Впервые за дорогу.

* * *

Село с запертыми изнутри дверями они обошли стороной — по её слову: платить за ответ дорого. Но дорога вывела их к околице — той, за которой село уже не пряталось, потому что некому было прятать.

За околицей, у второй излучины, стоял старик. Единственный человек, который смотрел на дорогу, а не слушал её.

— Ищете мальчика? — сказал он без приветствия. Так говорят тому, кто уже опоздал.

— Мы никого не ищем, — сказала Эйра.

— Значит, не найдёте. — Старик смотрел на туман за их спинами. — Проклятый. Из соседнего села. Счёт его не останавливается: ни днём, ни ночью. Через поле слышно, как он считает. Дважды за зиму слышали — и оба раза считал он не вспышки.

— Что же он считал? — спросил Крестоносец.

— Нас, — сказал старик просто. — Считал и не доходил. Как будто проверял, кого недосчитались.

— Куда он пошёл?

— К морю. Все идут к морю. — Старик помолчал. — Только он не один шёл. За ним шла женщина. С одним глазом серым, а другим — пустым. Шла молча, и села не испугалась. Её не боялись только те, кто не смотрел во второй глаз. А кто смотрел — тот уже не боялся ничего.

Он перекрестился — не на Бога. На дорогу.

— Счёт этого мальчика не останавливается, — сказал он. — Кто его досчитает — тот узнает, на чём стоит мир.

След остыл. Мальчика они не догнали — и не искали.

Но Крестоносец запомнил: счёт, который не останавливается. Он не знал пока, что этот счёт ведут чужими руками — и что одна из этих рук уже тянется к нему.

* * *

Ночью голоса пришли, как приходили каждую ночь. Он вёл счёт по-старому: одиннадцать — двенадцать.

Голос с человеческим именем встал первым. Он всегда был в счёте одиннадцатым — и вот он поднялся на первое место, без движения, просто: другие шагнули назад.

Он не назвал имени. Он назвал обращение — одно слово, короткое, с выдохом и точкой. И Крестоносец узнал это обращение так, как узнают не голос, а то, что от голоса осталось: так звали его когда-то — в тот год, который дорога уже стёрла.

Он не сказал Эйре. Впервые за дорогу у него была тайна, которую он держал сам.

* * *

Утром она штопала его рукав — прорванный ночью, которую она отказывалась называть прорывом. Штопала молча, ровно, по швам, как шьют на палубе.

— Ты злишься, — сказал он.

— Я не злюсь. — Она откусила нить. — Я не отпускаю.

— Что не отпускаешь?

— Тебя. — Она посмотрела ему в глаза — спокойно, как моряки смотрят на шторм: не как на смерть, а как на погоду. — Я считаю, рыцарь. Себя — в твой счёт. Каждый день. И пока я считаю — ты не потерян.

Он не ответил. Но впервые за дорогу это молчание было не привычкой. Согласием.

И дорога, которая слушала, услышала его согласие первой.

Это было плохо. Дорога всегда повышает цену тому, что становится дорогим.

Глава 7. Обещания вместо чисел

Перестройку счёта она назначила на ту же неделю.

Он считал голоса как раньше: раз, два, три. Число шло ровно и не рвалось. Но голос с человеческим именем — тот, что теперь был первым, — заговорил на счёте «двенадцать»:

— Ты считаешь нас, как вор считает чужое.

Крестоносец открыл глаза. Эйра не спала.

— Число — это то, что кончается, — сказала она. — Обещание — нет. Ты дал им обещание — поэтому они пришли. Они не товары, рыцарь. Они долги. А долг не считают по головам.

— Как считают?

— По строкам. Каждое обещание — строка. Закрыл — вычеркнул. Не закрыл — несёшь. На палубе иначе нельзя: если я обещала сохранить груз, я не вычеркну строку, пока не сойду с палубы. Даже когда палуба уже не моя.

— А если обещание нельзя закрыть?

— Тогда это не долг. — Она подбросила ветку в огонь. — Тогда это вера. А веру дорога не берёт. У неё нет столько силы.

Он попробовал. Вместо «раз» сказал вслух первое, что нашлось:

— Вернусь.

Голоса замолчали.

Впервые за всю дорогу мёртвые спали не потому, что услышали цифру. Они спали потому, что услышали обещание.

* * *

В Тенебрисе тем временем шёл свой счёт.

Гробовщик пришёл к Ливии до рассвета — без стука: в его деле стучаться считалось дурной приметой.

— Вторая карта, — сказал он и положил на стол ту же масть, что была у него с зимы: между кругом и глазом.

— Откуда?

— С юга. Почта на юге ещё ходила — только письма перестали доходить. Карта дошла. — Он смотрел на масть, не мигая. — Я вспомнил, чем платили за такие до Катастрофы. Я вам не скажу. Вы и так живёте с этим каждый день — просто не знаете этого.

Ливия открыла левую книгу — городскую — и нашла строку, которой не было вчера. Строка была короткой: имя без имени, точка вместо линии счёта.

— Значит, началась вторая партия, — сказала она.

— Значит, — согласился гробовщик. — И у этой партии есть лицо.

— Чьё?

— Того, кто раздаёт карты. — Гробовщик кивнул на тёмное окно. — Он раздаёт не по жребию. По счёту.

В ту же ночь, в комнате, которой у него не было, Азарт разложил колоду на пустом столе.

Пять колонок. Пятая — длиннее остальных. Он пересчитал её дважды — не из недоверия, из уважения: длинную строку не проверяют наугад.

— На севере открылась вторая книга, — сказал он вслух, никому. — Строк в ней немного. Но каждая стоит дороже, чем вся первая.

Он снял верхнюю карту — масть между кругом и глазом — и положил отдельно, лицом вниз.

— Значит, игра продолжается. И у меня есть ход, который они ещё не видели.

Стол не ответил. Но по городу в эту ночь никто не спал спокойно: все, кто умел считать, проснулись — и не нашли числа для своей тревоги.

* * *

Он спал впервые за долгие ночи — не по четверти часа, а по получасу.

Дорога не сняла платы. Но дорога, похоже, впервые записала его не должником, а вахтенным. Так, как записывают тех, кто взял вахту сам.

Глава 8. Пятая вспышка

Вспышка погасла на счёте «пять».

Это случилось на сорок вторую ночь пути. Туман лежал на воде ровно, и вспышки шли строем: одна, две, три, четыре, пять.

Шестой не было.

Эйра считала ещё раз. Потом ещё. На счёте «двадцать» она открыла глаза.

— Сбился, — сказала она.

Не тварь. Не туман. Строй.

— Кто сбился? — спросил Крестоносец.

— Не знаю. Строй — это дисциплина. Дисциплина — это кто-то. Кто-то сбился. — Она посмотрела на воду. — И сбившийся считает так же, как ты. По счёту. По строю. По обещанию.

Он не ответил. Он знал то, чего она не знала: сбиться мог и сам счёт моря. Но сбившийся счёт — это тоже кто-то.

* * *

В ту же ночь голоса впервые попросили цену за ответ.

Тот, что носил человеческое имя, заговорил связно. Говорил ровно, без шёпота, как говорят с тем, кто научился слушать.

— Что тебе нужно? — спросил Крестоносец.

— Скажи ему, что он был прав.

— Кому?

— Тому, кто не помнит огня.

— Кто был прав?

— Он был прав. Он всё правильно считал. Просто считал не то.

— Какая цена?

— Назови меня.

— Я не знаю твоего имени.

— Тогда считай, что ещё не заплатил. — Голос ушёл в глубину, и в счёте осталась одна пустая строка.

Наутро он сказал Эйре. Она выслушала, не перебивая, а потом сделала то, чего он не ожидал: положила ладонь ему на плечо и оставила её там до привала. Не согревая. Просто оставляя.

— Значит, посчитаешь, — сказала она.

— Как?

— Не знаю. Но обещание не счесть числом — значит, считать его надо обещанием. Начнём с тебя.

— С меня?

— Ты дал мёртвым обещание. Теперь дай живому. — Она посмотрела на него ровно, как смотрят, когда просят больше, чем можно дать. — Обещай мне одно. Одно — и всё.

— Какое?

— То, которое тебе страшно давать.

Он молчал долго. Потом сказал:

— Я не знаю, как вернуть шлем.

— Тогда пообещай то, что в твоих силах.

— Вернусь. — Он сказал это впервые не как счёт. — Обещаю вернуться.

— Ладно, — сказала она. — Тогда у нас одна строка, которую надо закрыть. Идём.

* * *

Наутро море молчало.

Вспышки не было ни на счёте «пять», ни на счёте «шесть». Вода лежала ровная и мёртвая, и по ней не шло ни света, ни тени. Впервые за сорок две ночи вспышка не родилась.

Эйра стояла на берегу и смотрела.

— Строй не бывает короче, — сказала она наконец. — Строй бывает мёртвый.

Море не считало. Море ждало.

— Ждёт чего? — спросил Крестоносец.

— Не знаю. — Она села на камень. — Но ждать умеет только тот, кто обещал прийти.

Он посмотрел на воду — и впервые увидел в ней не смерть, а счёт, который сбился. И сбился не по своей воле.

— Значит, кто-то обещал.

— Кто-то обещал, — согласилась она. — И кто-то не сдержал.

Она поднялась и тронула коня. Пошли. Впереди лежал север, а за спиной, далеко на юге, кто-то тоже ехал и считал. И этого счёта они ещё не слышали.

Глава 9. Идущая за счётом

Мираэлла выехала из Тенебриса до рассвета, чтобы её не считали.

Ворота открыл гробовщик — тот самый, с картой масти между кругом и глазом. Он не спросил, зачем. За этой женщиной не спрашивали «зачем» — за ней спрашивали «сколько».

— На север? — спросил он.

— На север.

— Тогда не платите за коня. Плата на той дороге дорогая.

— Сколько?

— Не знаю. Но того, кто едет к морю, море считает по-своему. — Он переложил карты в руке. — Я видел это на карте той же масти.

— И что там?

— Не скажу. — Он качнул головой. — Скажу только: там не число.

Она кивнула. Она и не ждала числа. Она ехала туда, где её счёт мог сойтись.

* * *

Дорога на север шла через соль. Обозы шли навстречу — разбитые, пустые, с ободранными бортами. Соль дорожала каждую неделю; теперь дорожала и дорога, по которой её везли. У развилки Мираэлла видела брошенные телеги. В одной лежала женщина, в другой — ребёнок. Оба не дышали. Соль на них была уже не солью — солью, которую не забрали.

Мираэлла не остановилась. Она считала дальше.

Она считала шаги, вспышки, дыхание. Считала не потому, что хотела, — потому что счёт был единственным языком, на котором мир ещё разговаривал с ней честно. Так же, как с ним.

— Спи, глаз, до утра не гляди, — сказала она тихо, когда дорога перегнулась к морю.

Слова были не её. Но они выходили сами — как выходят чужие слова, если человек считает долго и в одиночку.

* * *

Ночью, на семнадцатой миле, ей впервые послышался двойной стук.

Не за дверью. За спиной.

Один удар — за ней. Второй — за тем, кто считал её. Она знала: второй удар был не стуком в дверь. Это был стук в счёт — в её строку, которую она не закрыла.

Она не оборачивалась. Она считала дальше.

Наутро она нашла остывший костёр. Считала пепел по штукам: сколько веток — столько ночей. Потом — сколько веток на один костёр. Потом — сколько веток на второй.

Считала два костра: один на себя, один на него.

Костёр был только один.

Значит, он ехал не один.

Значит, она не опоздала.

* * *

Вспышку она впервые увидела на своей двадцать восьмой миле — вода поднималась из глубины и вставала в ночи, как столб. Она считала.

На счёте «пять» вспышка погасла.

Мираэлла остановилась. Она знала, что строй — это дисциплина. Она знала, что дисциплина — это кто-то. И она знала, кто сбился: не море сбилось. Сбился тот, кто считал вместе с ней.

Азарт.

Он играл. Она не знала, в чём.

Она ускорила шаг.

Глава 10. Отряд, который остался

Тенебрис зимовал по-городски: с усердием, которого никто не заказывал.

Голод уже работал по-крупному. Соль дорожала. Хлеб дорожал быстрее, чем можно было успеть записать в счёт. Роран встал у ворот в то утро, когда Крестоносец уехал, — и с той минуты отряд считал его главным. Не по выбору. По умолчанию.

Роран не спорил. Спорить было не с кем: тех, кто умел считать хуже него, в городе больше не осталось.

Он собирал отряд у ворот — двенадцать человек, потому что счёт любил круглый, — и все смотрели на него, как смотрят на того, кто знает, где свет.

— Света нет, — сказал он им. — И не будет. Но отряд — это не свет. Отряд — это то, что вы делаете, когда света нет.

Он не знал, откуда взял эту фразу. Она была не его.

* * *

Ливия позвала его в архив. Две книги лежали на столе, и левая — городская — сходилась. Правая — её собственная — не сходилась с первой главы первой строки.

— Вторая книга у Азарта, — сказала Ливия. — А вторая копия — у гробовщика. Он принёс сегодня утром.

Роран смотрел на карту. Масть между кругом и глазом. На карте — не число. Имя, которое Роран не знал.

— Что это значит? — спросил он.

— Значит, что за такие карты платят не серебром, — сказал гробовщик от двери. — Их платят живыми. И тот, кто их раздаёт, раздаёт не по жребию. По счёту.

— По какому счёту?

— По тому, который я не могу прочитать, — сказал гробовщик. — Но могу сказать: за картой стоит имя. И имя живое.

Роран убрал карту в сумку. Он не знал, зачем. Он знал только, что её нельзя оставить здесь.

* * *

Вечером он сел писать письмо Лике.

Сначала хотел написать правду. Правда была такая: солнце не взойдёт; он не знает, когда оно взойдёт; он не знает, когда вернётся; отряд держится, город держится, он держится.

Он посмотрел на лист и написал другое:

«Солнце скоро взойдёт. Я скоро приеду. Береги бабку».

Он не отправил. Он убрал письмо под подкладку сумки и сказал себе: отправлю, когда вернусь, — если счёт сойдётся.

Он не знал, что письмо, спрятанное под подкладкой, дорога читает так же внимательно, как вслух сказанное.

* * *

Ночью город слушал.

Не тварь. Не туман. Не Азарт.

Тенебрис слушал то, что Роран написал и не отправил. И, как всякая дорога, город отвечал не деньгами. Город отвечал не числом. Город отвечал тем, что человек сам ему дал.

А на утро Роран не знал, что дал городу обещание, которое не сдержит.

Глава 11. Бой без молитвы

Туман перестал притворяться погодой.

Это случилось на сорок четвёртую ночь — на броде через разлив, там, где старый тракт уходил в воду на две колеи. Вспышка поднялась с воды и погасла на счёте «пять» — и вода за ней не легла обратно. Вода вышла.

Из неё выходило то, что не умеет жить на суше и решило, что суше больше никто не принадлежит. Твари не бежали. Они шли — так, как ходит прилив: медленно, ровно, без единого вопроса.

Крестоносец спешился и выдернул меч. Молитва не пришла. Он попытался — не как верующий, а как человек, который проверяет, на месте ли перила. Слова отсутствовали так же, как отсутствовали вчера и позавчера.

И тогда он начал считать.

* * *

Молитва просила. Счёт требовал. Требовать легче.

Первую тварь он встретил на счёте «два». Вторую — на «три». Он не читал отряд, не выбирал угол, не советовался с противником — счёт вёл его вместо головы, и в этом был страшный покой: у счёта нет страха, потому что у счёта нет имени, которое можно потерять.

Голоса пришли на четвёртую тварь.

Мёртвые подхватили его счёт вслух — ровно, хором, как считают матросы на палубе, поднимая якорь. «Четыре», — сказали они его ртом. Его рука занесла меч на «четырёх». «Пять», — сказали они. Упала пятая.

Он не звал их. Он не просил. Они пришли — потому что счёт, который он вёл на дороге, был их счётом: строкой за строкой, должником за должником. Твари шли не на него. Твари шли на его счёт — потому что счёт был адресом, а ответ всегда идёт по адресу.

Он понял это — и перестал уходить от понимания.

Он начал считать вслух.

«Шесть». Голоса повторили. Твари дрогнули — не от страха: они не умели бояться. От того, что их позвали. «Семь». Туман сжался. «Восемь». Вода отступила на шаг. Он заманивал их счётом, как заманивают мотыльков светом, — и они шли, как шли к морю все, кого считали: строем, без вопросов, к адресату.

Между «девять» и «десятью» в счёт вошёл чужой голос.

Тот, что носил человеческое обращение. Он не повторил «десять» — он произнёс его раньше Крестоносца. Ровнее воздуха. Увереннее руки.

И счёт не сбился.

Крестоносец досчитал до двенадцати. На «двенадцати» вода легла обратно в берега, туман принял форму погоды, и стало слышно, как дышит лошадь. Он стоял в грязи по колено, с мечом в руке, и впервые за ночь не знал, чем кончается его должность, когда должность кончается.

* * *

Прорыв случился после.

Он смотрел на последнюю тварь — полумёртвую, доползшую по грязи, — и рука поднялась сама. Он бил методично, размеренно, как громят долг: удар, выправка, удар. Не в гневе. Гнев — это когда горишь. Он бил с той стороны себя, где нет человека, — и ему было нужно это место, потому что там не было счёта, который можно спорить.

Эйра не крикнула. Не схватилась за руки. Она знала: это не ярость. Это разрешение — и его нельзя отобрать у человека силой, можно только пересидеть рядом.

Она вошла в круг.

Села напротив — на пень, спиной к твари, лицом к нему. И начала вести его дыхание:

— Вдох — два счёта. Выдох — три. Считай за мной.

Он бил. Она считала.

— Вдох — два. Выдох — три. Считай за мной.

Рука упала на середине удара. Он услышал её голос — не как приказ, как перекличку на палубе, где отвечает один, а считает вся команда. Меч опустился. Он стоял, дышал её дыханием и смотрел в грязь.

Она ждала, пока его руки полностью снова станут его руками. Потом сказала — тихо, себе:

— Я боялась не тварей. Я боялась его рук.

Он услышал. Он сделал вид, что не услышал, — и это было их первое совместное вранье за дорогу.

* * *

Перевязка не требовала слов.

Сетка на предплечье была прорвана — тварь достала до кожи, не до жилы. Он сидел у костра и смотрел, как она разворачивает свёрток — по-морскому, с одним разворотом, как на палубе.

— Могу сам, — сказал он.

— Не будешь, — сказала она. — Раненый не слушает слов. Раненый слушает руки. Я даю тебе руки.

Он протянул предплечье. Она бинтовала ровно, под перчатку, так, как шьют на палубе — по шву, без лишнего хода.

— Зачем? — спросил он.

— Затем, что мне нечем было идти последним.

Он молчал.

— Есть чем, — сказала она, не поднимая глаз. — Мной.

И сразу отвернулась, как будто сказала не это, а погоду.

Он смотрел на её затылок, на чёрную повязку узлом на нём, и понимал то, чего не понимал никогда: у людей есть вещи, которые они отдают в счёт молча, — и такие вещи стоят дороже всего, что отдают вслух.

* * *

Наутро на обочине, в ста шагах за их ночлегом, лежал свежий след коня.

След был сделан не бежавшим — ехавшим сдержанно, шагом. У обочины тлела кучка остывшего костра, разгребённого не по спешке — по расчёту. А на камне у дороги стояли зарубки.

Пять.

Пятая — пересечена.

Крестоносец смотрел на камень и не двигался. Кто-то ехал за ними — и считал их вспышки. До пяти, как они. С той же дисциплиной, с тем же строем.

— Не нравится мне это, — сказала Эйра. Она подъехала и смотрела на камень молча, потом перечитала зарубки ещё раз. — Тот, кто считает, как я, — не охотник. Охотник не оставляет счёт на камнях. Счёт оставляет тот, кто хочет, чтобы ты знал: он идёт.

— Куда он едет?

— По нашему следу. — Она села в седло. — Как едут к последней строке в чужом счёте — чтобы успеть дописать её раньше, чем это сделает другая рука.

Она тронула поводья — и остановилась.

— Рыцарь. Скажи мне честно. Ты знаешь, кто это?

Он знал уже то, чего она не знала: у всадницы, по рассказам стариков с дороги, один глаз был серым, а другой — пустым.

Он не сказал. Впервые за дорогу у него было две тайны вместо одной.

Глава 12. Альголь

На девятый день после боя дорога привела их к городку, который был жив.

Это само по себе было чудом: север за заставой умирал городами. Но Хальмарк стоял — невысокий, стены в три слоя старой кладки, ворота закрыты наглухо, на башне горел огонь. Не маяк. Просто огонь: огонь — это счёт, который видно издалека.

— Живой, — сказала Эйра. Так другие говорят «счастье».

— Города на севере прячутся, — сказал Крестоносец. — Этот спрятался глухой стеной.

— Города прячутся молча. А этот — нет. — Она поднялась в седле. — Слушай.

Он слушал. Из-за стен шёл звук, который он поначалу принял за колокольный. Потом разобрал: голоса. Многие, разные. Они не пели и не молились — они считали. Вслух. Каждому своё: старик у колодца — вёдра, женщина у очага — дрова, мальчишка на стене — стрекот кузнечика.

— Они считают вслух. Все. Вразнобой. Не переставая, — сказала Эйра. — Спросим. За любопытство здесь берут ответом — по здешним ценам это почти даром.

* * *

Ворота открыл сторож — старик, у которого на поясе висели счёты: бирки, косточки, узлы. Он осмотрел путников так, как осматривают плату: без жадности, без страха.

— Правило у нас одно, — сказал он. — Считайте вслух. Кто не считает вслух — молчит. Молчание — чистая страница. А дорога заполняет пустое: дописывает за вас то, что ей удобно. Считающий вслух — не страница. Он почерк. Почерк не перепишешь.

— Мы посчитаем, — сказала Эйра. — За ночлег.

— Ночлег за счёт не берём. Но есть плата получше: один вечер у колодца. Считаете с нами на закате. Всей улицей. — Старик посмотрел на Крестоносца. — Вы, я вижу, считать умеете. И не только шаги.

Крестоносец не ответил. На этой дороге умение считать перестало быть мастерством. Оно стало адресом.

* * *

Трактир назывался «Старая медь» — по цвету напитка, которого здесь наливали больше всего. Эйра толкнула дверь так, как входят на палубу знакомого корабля: с уверенностью человека, который в любом порту найдёт свой угол.

Внутри пахло смолой, ржаным хлебом и чем-то горьким, как полынь у воды. У очага грелись двое местных — молча: они уже отчитались счётом за день. За стойкой стоял трактирщик с руками, которые помнили все кружки этого дома.

— Альголь есть? — спросила Эйра и села.

— Есть. Северный. Настоящий — на берёзовой смоле, жжёной на угольях. — Трактирщик посмотрел на Крестоносца. — Вашему другу, может, и рано.

— Ему не рано, — сказала Эйра. — Ему ни разу.

Крестоносец сел напротив неё. Трактирщик поставил две кружки. В кружках был напиток цвета старой меди — тусклой, честной, без блеска.

— Я не помню, пил ли я когда-нибудь, — сказал Крестоносец.

— Значит, будешь пить впервые, — Эйра взяла свою кружку. — Первый раз запоминается даже тем, кто не запоминает ничего. Считай это везением.

— Как это пьют?

— Не глотай сразу. — Она поднесла кружку к губам и не пила — держала. — Держи во рту, пока жжёт. Жжение уйдёт — глотай. Так пьют не вино, рыцарь. Так пьют, чтобы вспомнить.

— Вспомнить что?

— То, что было хорошо.

Он послушался. Альголь обжёг холодом — так морозит изнутри, с той стороны, где живут воспоминания. Потом холод ушёл, и осталось тепло — простое, безымянное, ни на чьё имя не записанное.

И счёт в его голове замолчал.

Одну минуту. Он засёк это — счётом, потому что больше ничем. Шестьдесят вдохов, ни одного лишнего числа. Впервые за десять лет в нём не звучало ни шагов, ни вспышек, ни голосов. Только тепло — и голос Эйры, которая рассказывала про «Медянку», про пса по имени Лот, про то, что капитан на палубе не спит вполную, потому что корабль — это то, что нельзя оставить без имени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.